

На правах рукописи

ГУРЬЯН Наталья Викторовна

**СТРОЕНИЕ ПЕРВОГО КИТАЙСКОГО СЛОВАРЯ «ЭРЬЯ» И КИТАЙСКАЯ
ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ**

Специальность 10.02.22 – Языки народов зарубежных стран Европы, Азии,
Африки, аборигенов Америки и Австралии (языки народов Юго-Западной Азии,
Ближнего Востока и Африки; языки народов Южной Азии, Среднего и Дальнего Востока)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2009

Работа выполнена на кафедре китайской филологии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Карапетьянц Артемий Михайлович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Завьялова Ольга Исааковна

кандидат филологических наук, доцент
Войцехович Ирина Владимировна

Ведущая организация: Российский государственный
гуманитарный университет

Защита состоится «28» мая 2009 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 501.001.34 по филологическим наукам (языкознание) Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу:
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 103073, г. Москва, ул. Моховая, д. 9.

Автореферат разослан « » апреля 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Урб М. Р.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая работа посвящена изучению первого китайского словаря «Эръя» 尔雅 («Приближение к изысканному», 3 в. до н.э.) – древнейшего лексикографического свода, в полном виде сохранившегося до нашего времени. Словарь представляет интерес, во-первых, как один из важнейших источников по истории формирования китайского письма: в нем представлен значительный корпус иероглифических знаков; во-вторых, как первый толковый словарь, отражающий ранний этап становления китайской лексикографии и демонстрирующий уровень лингвистических представлений последних веков до нашей эры, эксплицированных в его макро- и микроструктуре.

Теоретическая лексикография сегодня направлена на изучение всего спектра проблем словарного дела в целом, включая типологию словарей, их структуру, а также историю создания. Для лексикографии важно понятие традиции как национальной, так и мировой.

Лексикографическая практика прошлого еще мало изучена, между тем составление словарей – одно из самых старых занятий, сопутствующих развитию письменной культуры.

Обращение лексикографов к изучению прошлого находится в общем русле стремительного роста интереса лингвистов к истории языкознания и объясняется естественным интересом к процессу формирования базовых для языкознания идей и понятий (Иванова 2008).

Актуальность исследования обусловлена тем, что специальные работы, посвященные «Эръя», в отечественном китаеведении отсутствуют. Между тем представляет значительный интерес, как сам корпус знаков, так и способы его организации и описания в этом древнейшем в истории человечества словаре.

Степень изученности. В отечественном китаеведении «Эръя» специально практически не изучался, хотя ссылки на него и упоминания о нем содержатся во многих работах, посвященных истории китайского языка и языкознания, китайского письма, китайской лексикографии (работы С.Е. Яхонтова, Ю.В. Рождественского, В.И. Горелова, К.И. Голыгиной, А.Л. Семенас, А.И. Кобзева, М.В. Солнцева, Н.В. Солнцевой, В.А. Курдюмова, Г.Я. Дашевской).

Наиболее изучена 4-ая глава памятника – «Толкование родства», данные которой оказались исключительно ценными для реконструкции ранних этапов формирования терминологии древнекитайской системы родства. В связи с этим, к материалу данной главы обращались многие исследователи, как в Китае, так и за его пределами; глава переведена на английский язык. В отечественном китаеведении исследование указанной главы осуществил

М.В. Крюков в монографии «Система родства китайцев» (1972). В ходе анализа 4-й главы М.В. Крюковым были выявлены погрешности и неточности, допущенные автором словаря, а также объективные противоречия внутри самой системы: неполнота списка и противоречивость принципов объединения терминов по группам. К материалам 4-й главы обращался в свое время Д.А. Ольдерогге (1951). Внутренние противоречия в системе «Эръя» позволили обоим исследователям усмотреть в ней пережиточные следы более древней терминологии.

Вопрос о необходимости исследования словаря одним из первых поднял В.С. Колоколов в статье «Предисловие Го Пу к книге “Эръя”» (1977), где подчеркивается недостаточная изученность памятника при его несомненной важности для истории становления китайского письма; убедительно представлены все достоинства словаря, позволяющие считать его действительно «влиятельной книгой» своего времени. В.С. Колоколов высказывает мнение: изучение иероглифического материала «Эръя» позволит получать сведения этимологического, семасиологического и фонологического характера, и тем самым приблизиться к древнему звучанию. Ученый жалеет, что данное обстоятельство не было принято во внимание знаменитым шведским синологом Б. Карлгреном в его трудах по китайской фонологии.

Некоторые общие сведения, касающиеся истории памятника и его устройства, содержатся в работах М.В. Софронова. Среди них следует назвать следующие тома коллективной монографии, одним из авторов которой является М.В. Софронов: «Древние китайцы: проблема этногенеза» (1978), «Древние китайцы в эпоху централизованных империй» (1983), «Китайский этнос в средние века (VII - XIII)» (1984), «Этническая история китайцев на рубеже средневековья и нового времени» (1987); а также статьи М.В. Софронова: «Дешифровка тангутской письменности: тангутские словари и учебные тексты» (2002), «Школьная традиция в Китае и Тангутском государстве» (2002), «Слово и познание в культуре древнего Китая» (2003).

А.М. Карапетьянц рассматривает «Эръя» в связи с проблемами формирования феномена китайского письма, создания первых лексикографических памятников, а также нормализационных процессов в древнекитайском литературном языке 4 – 3 вв. до н.э. Этим аспектам посвящены статьи: «Древнекитайская философия и древнекитайский язык» (1974), «Формирование системы канонов в Китае» (1981), «Ранние семантические классификации» (1988), «Формирование нормативного письменного языка в Китае» (1996). В последней работе предлагается анализ особенностей организации материала «Эръя» и трактовка первой части первой главы памятника.

В КНР и на Тайване в последние три десятилетия число исследований, посвященных «Эръя», стремительно растет. Из современных работ следует назвать «Современный

комментарий к Эръя» Сю Чаохуа (Тяньцзинь, 1987); «Руководство к чтению Эръя» Гу Тинлуна и Ван Шивэя (Чэнду, 1990); «Эръя: глубокое море слов» Сюй Лили и Чжань Иньсиня (Сянган, 1996); «Исследование Эръя» Гуань Сихуа (Хэфэй, 1996); «Эръя: перевод и комментарии» Ху Цигуана и Фан Хуаньхая (Шанхай, 1999); «Лингвокультурологическое исследование Эръя» Лу Гопина (Тайбэй, 1999); «История китайской отрасли я-сюэ» Доу Сюянь (Цзинань, 2004); «Исследование синонимов Эръя» Цзян Жэньтао (Пекин, 2006); «Эръя: новые разыскания» Линь Ханьшэна (Наньчан, 2006).

Необходимо отметить имена Хэ Цюина, Ван Цзяньли, Ван Ю, Чжоу Чунься, До Локэня, Ян Хаоляна, Куан Пэнфэя, Ян Шангуя, Хуа Сюечэна, Ма Вэньси, Чжоу Цзисюй и др., которым принадлежат многочисленные статьи, освещающие частные вопросы по истории происхождения памятника, технике толкования, синонимике «Эръя» и пр.

Сведения общего характера, а также информацию о подходах к толкованию единиц словаря можно почерпнуть в работах по схолиастике, принадлежащих Ян Дуаньчжи (1985), Цянь Цзяньфу (1986), Фэн Хаофэю (1995), Сю Вэйханю (2003), Су Баожуну и У Цзяньюю (2004), Го Циньна (2005) и др.

Объектом исследования в работе выступает древнекитайский словарь-тезаурус «Эръя».

Предмет исследования: единицы описания, составляющие словник «Эръя», а также способы их презентации.

Цель диссертации состоит в комплексном изучении особенностей композиции и наполнения «Эръя», а также в определении значения данного словаря для китайской филологической традиции.

Исходя из указанной цели, в ходе исследования необходимо было решить следующие основные **задачи**: 1) осветить историю происхождения (проблему авторства и датировки) и изучения памятника; 2) раскрыть характер отношений между единицами словника «Эръя» и их специфику; 3) выявить и описать существенные характеристики словаря, эксплицированные в его макро- и микроструктуре; 4) рассмотреть особенности техники толкования и лексикографической интерпретации многозначных единиц; 5) определить роль «Эръя» в формировании набора знаков китайского письма на основе сравнительно-сопоставительного анализа единиц первых двух глав (нетерминологическая лексика) тезауруса с данными нормативного толкового словаря современного китайского языка *现代汉语词典*; 6) выполнить перевод трех первых глав с абстрактной лексикой и одной из терминологических глав словаря.

Теоретическую и методологическую базу исследования составили положения

отечественных и зарубежных ученых в области теории языка и лексикографии (Ю.Н. Караулов, В.В. Морковкин, Ю.Д. Апресян, В.Г. Гак, П.Н. Денисов, А.Н. Баранов, А.А. Уфимцева, И.М. Кобозева, О.М. Карпова, В.Д. Табанакова и др.), теории письма (В.А. Истрин, И. Гельб, И.М. Дьяконов), китайской филологии (С.Е. Яхонтов, В.С. Колоколов, М.В. Крюков, А.М. Карапетьянц, М.В. Софронов, В.М. Солнцев, А.Л. Семенас, Ван Ли, Гао Мин, Цянь Цзяньфу, Ян Дуаньчжи, Гуань Сихуа, Доу Сюянь, Су Баожун, Го Циньна и др.).

Основными методами исследования являются описательный метод, метод лексикографического анализа, методы сравнительно-сопоставительного и источниковедческого анализа, метод дефиниционного анализа, метод количественных подсчетов.

Научная новизна исследования определяется следующим: 1) впервые в отечественном китаеведении осуществлено комплексное исследование древнекитайского тезауруса «Эръя» с выявлением особенностей его строения, метаязыка и единиц словника; 2) определена роль «Эръя» в формировании набора знаков китайского письма; 3) выполнен перевод на русский язык отдельных глав и фрагментов памятника.

Теоретическая значимость диссертации обусловливается тем, что полученные результаты позволяют восполнить пробел в сведениях о древнейшем в мировой истории толковом тезаурусе «Эръя» и его роли в формировании китайского письма; расширяют и углубляют имеющиеся сведения о ранних этапах развития китайской лексикографии, формах и особенностях представления единиц описания в ранних китайских лексикографических источниках.

Практическая ценность заключается в возможности использования результатов исследования в курсах по истории языка, языкознания и лексикографии.

Апробация диссертации: диссертация выполнена на кафедре китайской филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры от 25 февраля 2009 г. Материалы и результаты исследования докладывались на научных конференциях; основные положения диссертации отражены в пяти публикациях.

На защиту выносятся следующие основные **положения**:

1. При отсутствии точных сведений относительно авторства и датировки «Эръя» все версии происхождения памятника носят гипотетический характер и сводятся к тому, что в своем первоначальном виде словарь появился в конце эпохи Чжаньго (3 в. до н.э.), окончательное же сложение памятника происходило в ходе дальнейшего редактирования и постепенных дополнений на протяжении эпохи Хань (возможно, и позже). Автор словаря неизвестен; в его составлении принимали участие филологи нескольких поколений. Вместе с тем он имеет целостную и завершённую структуру.

2. Словарь представляет собой собрание доциньской лексики, далеко выходя за рамки конфуцианского канона по иероглифическому и лексическому запасу.

3. На уровне макроструктуры в тексте словаря представлены главы с разным типом устройства (структурированные и неструктурированные); внутренняя организация материала в обоих типах глав подчинена преимущественно семантическому принципу.

4. Лексикографическая разработка материала в «Эрья» свидетельствует о сложении основ научного аппарата китайской филологии в последние века до н.э.

5. С появлением «Эрья» в лексикографическую практику были введены: 1) идеологическая система расположения единиц словаря, задающая предметные классы слов; 2) способы и приемы толкования иероглифических знаков (в особенности совмещенное толкование); 3) словарные иллюстрации.

6. Достаточно высокая степень сохранности иероглифического набора «Эрья», которую удалось проследить на основе сравнительного анализа материала первых двух глав (абстрактная лексика) с данными нормативного толкового словаря СКЯ – «Сяньдай ханьюй цыдянь» 现代汉语词典, свидетельствуют о большом авторитете «Эрья» в китайской филологии и демонстрируют его роль в становлении набора знаков китайского письма.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность и новизна выбранной темы, определяется степень ее изученности, формулируются цели, задачи и методы исследования, излагаются основные положения диссертации, выносимые на защиту.

В первой главе «Словарь как отражение филологической традиции» изложены основные положения, принятые в работе; осмыслено значение письма и словарей для китайской филологической традиции. Здесь же освещена история становления ранней китайской лексикографии, подробно обсуждена проблема авторства и датировки «Эрья», история его изучения.

Движущим фактором развития языкознания всегда выступали потребности практики. Создание и распространение письма вызывало необходимость обучать ему. Для учебных целей создавались многочисленные тексты и словари, те из них, которые дошли до нас,

позволяют изучать как сами древние языки, так и эволюцию письма, а также судить о характере лингвистических знаний того времени и способах их формирования.

Положения, изложенные в первом разделе первой части главы позволяют констатировать следующее. Из двух основных видов описания языка – грамматики и словаря, для китайской научной традиции главным был именно словарь, а лексикография являлась ведущей отраслью китайского языкознания. Такое положение дел объясняется тем, что роль словарей в науке о языке определяется характером письма и особенностями грамматического строя. По справедливому утверждению М.В. Софронова (2007), именно китайское письмо выступило тем мощным фактором, который определил многие особенности развития китайской культуры в организации и функционировании письменной традиции и в образовании.

Современная цивилизация, как известно, использует два типа письма: идеографический (логографический) и в настоящее время доминирующий по всему миру фонографический (фонетический) тип. Китайское письмо является наиболее известной и максимально полно реализовавшей себя идеографической системой – единственной из четырех главных древневосточных письменностей (шумерской, египетской, хеттской, китайской), которую не пришлось дешифровать в новое время, благодаря непрерывной письменной традиции.

Важным этапом эволюции китайского письма являются периоды Чуньцю (8–5 вв. до н.э.) и Чжаньго (5–3 вв. до н.э.) – время быстрого становления и распространения идеографического письма, а также фиксации всех дошедших до нас доциньских произведений. Возрастающая потребность в письме вела к расширению сферы означаемого и увеличению числа знаков (Карпетьянц 1996). В этот период появляется большое количество фонетических заимствований (иероглиф использовался не в его основном значении, а для записи другого слова с тождественным или близким звуковым составом). Существует мнение, что распространение фонетических заимствований могло бы привести Китай к слоговому (т.е. фонетическому) письму (Шпринцин 1969; X. Qiu 1988; Coulmas 1989; Wilkinson 2000). Как известно, этого не произошло. Использование заимствованных знаков в письменных текстах приводило к тому, что один и тот же знак мог приобретать несколько значений, не всегда связанных между собой семантически, поэтому такие знаки были непрактичными: многозначность вела к затруднениям при понимании текстов. От недостатков заимствованных знаков были свободны новые знаки – фоноидеограммы.

В указанные периоды происходило формирование двух типов текстов (сначала канонического, затем повествовательного) и накопление письменных текстов философского содержания, в рамках которых было сформировано противопоставление нормативности – ненормативности, что в свою очередь инициировало осознанное комментирование текстов, появление прописей и затем словарей-гезаурусов (Карпетьянц 1996). Первый китайский

словарь «Эръя» был создан под воздействием концепции *чжэн мин* «исправление имен», непосредственно связанной с идеей нормативности.

Существенным недостатком идеографического письма является обилие письменных знаков: иероглифы, находящиеся в реальном употреблении в каждую отдельную эпоху, исчисляются тысячами (Завьялова 2002). Другая важная особенность китайской иероглифики состоит в отсутствии прямых связей графического изображения с чтением. Любой иероглиф может иметь несколько чтений: современное стандартное, современные диалектные, реконструированные исторические чтения иероглифов, а также иноязычные чтения – японское, корейское, вьетнамское (Софронов 1983: 313). Т.о., главной проблемой при создании и обращении с иероглификой является кодификация и упорядочение письменных знаков. В связи с чем, требовалась развитая филологическая традиция и непрерывная деятельность по созданию словарей, фиксирующих все сведения о знаках письма.

Изначально филологическая наука в Китае была связана с обучением чтению и письму, затем к этой задаче присоединилось чтение и толкование классических текстов. Основной единицей толкования был иероглиф, ставший главным предметом исследования в китайской традиционной филологии. В связи с изучением трех сторон иероглифического знака (начертания, значения и произношения) в традиционном китайском языкознании выделялись три направления: толкование древних слов, изучение структуры и этимологии иероглифов, функциональная фонетика (с 5 в. н.э.). Толкованием значений древних слов занималась схоластика (герменевтика) – *сюньгусюэ*, возникшая раньше других дисциплин. В ее рамках оформились способы и методы толкования лексических единиц (ЛЕ), которые затем стали использоваться в различных словарях. «Из толкования и исследования значений иероглифов классических текстов сформировалась великая традиция китайской лексикографии» (Софронов 1989: 22).

Становление китайской лингвистической традиции относят ко времени составления первого толкового словаря (Алпатов 2001), таковым является древнекитайский тезаурус «Эръя» (3 в. до н.э.). В дальнейшем лексикография становится ведущей отраслью в китайской науке о языке.

Второй раздел посвящен словарю как предмету и объекту лексикографии.

Лексикография (от греч. *lexis* «слово» и *grafia* «писание, наука») – относительно молодая наука, хотя практика словарного дела имеет более чем 4000-летнюю историю. Первой формой античной лексикографии были списки (глоссы и глоссарии) малопонятных слов.

Сегодня лексикография является одной из наиболее динамично развивающихся областей современного языкознания, в качестве объекта изучения которой выступают не только слова как единицы лексикона, но и функции и устройство словарей. В число основных проблем,

разрабатываемых в теории лексикографии, входит разработка макроструктуры и микроструктуры словаря. К **макроструктуре** относят вопросы общей структуры словаря и определения характера представления в нем лексических единиц, к **микроструктуре** – проблемы формата словарных статей и характера их заполнения (Гринев 1995: 17–18).

В лексикографии каждого языка формируется особый метаязык словаря, включающий набор типичных формул при описании значений слов. Разработка языка словарного описания является важнейшей лексикографической проблемой.

Основными компонентами словаря, обеспечивающими доступ к информации, являются 1) **словник** – перечень языковых единиц, расположенных в определенном порядке (либо исходя из формы: алфавитное, по графическим элементам (в китайских словарях), либо из содержания – по общности значения: в идеографических словарях) и 2) **словарная статья** – отдельный отрезок текста, посвященный единице описания. Размер и состав словника, а также объем лингвистических и энциклопедических знаний, привлекаемых в словарных описаниях, зависит от задач словаря и целевой аудитории.

Одно из важнейших противопоставлений в словарном деле, носящее и формальный и содержательный характер, – это разделение словарных изданий на лингвистические (филологические, языковые) и энциклопедии. Для китайской лексикографии характерно также наличие комплексных словарей, сочетающих особенности этих двух типов. В этом отношении «Эръя» можно признать родоначальником среди китайских словарей.

Словарный состав языка, зафиксированный в словаре, отражает уровень представлений о тех или иных явлениях, т.е. является «зеркалом эпохи» (Морковкин 1970).

Всякий словарь характеризуется определенной концепцией, касающейся типа, объема словаря, разработки в нем различных лексикографических параметров: отбора слов и их аспектов, разъясняемых в словаре. Концепция либо имплицитно заключена в самой структуре словаря, либо разъясняется эксплицитно во вводной статье к нему. Отражение разных лексикографических параметров в конкретном словаре определяется спецификой языка, лексикографической традицией соответствующей страны, типом и назначением словаря и взглядами данного лексикографа, а также временем создания словаря (Гак 1998), в этой связи словарь представляет значительный интерес и как «зеркало» частного языкознания.

Далее освещается история становления ранней китайской лексикографии, подробно обсуждается история создания и изучения первого древнекитайского тезауруса «Эръя».

Первым памятником китайской лексикографии был список иероглифов, выступавший в качестве орфографической нормы и служивший пособием по обучению грамоте (Софронов 2002). Первоначальные прописи представляли собой зарифмованные списки знаков по

четыре в строке, в тексте которых видны три слоя: осмысленный текст, списки синонимов и списки знаков с одинаковыми детерминативами. Наряду со списками иероглифов (прописями), в начале китайской лексикографической традиции стоят словари-тезаурусы (Карапетьянц 1996), в числе которых на первом месте находится «Эръя», заложивший основу дальнейшего развития этой отрасли.

Изучение «Эръя» начинается с эпохи Хань: в письменных памятниках того времени встречаются упоминания о его комментированном издании. В общей сложности до 4 в. имелось не менее десяти комментариев, которые затем были переработаны Го Пу и включены в его комментарий, признанный одним из наиболее компетентных. В 837 г. (эпоха Тан) «Эръя» был зачислен в разряд канонов (Wilkinson 2000: 62). К числу авторитетных исследований относятся труды танского Лу Дэмина «Эръя инь и» 尔雅音义, сунского Син Бина «Эръя шу» 尔雅疏 и сунского Чжэн Цяо «Эръя чжу» 尔雅注. В современную редакцию «Тринадцатикнижия» 十三经注疏 включены комментарии Го Пу и Син Бина. Из многочисленных исследований периода династии Цин наибольшую ценность представляют работы Шао Цзинхана «Эръя чжэнъи» 尔雅正义 и Хао Исина «Эръя ишу» 尔雅义疏.

Первое упоминание «Эръя» встречается в библиографическом разделе «И вэнь чжи» династийной истории Хань. Ввиду отсутствия прямых указаний относительно авторства и хронологических рамок появления словаря, на этот счет до сих пор нет единого мнения. До династии Сун господствовали две основные точки зрения: согласно первой, «Эръя» был составлен учениками и последователями Конфуция (восходит к Чжэн Сюаню, 2 в.) согласно второй, «Эръя» был создан Чжоу-гуном, дополнялся Конфуцием и др. (восходит к Чжан И, 3 в.). Начиная с Сун, стали говорить и о том, что «Эръя» появился во времена династий Цинь – Хань (Оуян Сю, 11 в.).

На сегодняшний день принято считать, что «Эръя» в своем первоначальном виде появился в конце эпохи Чжаньго, когда уже сложились необходимые условия для составления подобного словаря, а окончательно оформился во времена Хань. В пользу этой точки зрения высказываются Хэ Цзюин, Чжао Чжэньдо Цянь Цзяньфу, Ян Дуаньчжи, Гуань Сихуа и др. Хун Чэн (1984) считает, что «Эръя» появился раньше «Мэн-цзы» и даже называет конкретный период времени: 450–350 гг. до н.э. Ян Дуаньчжи (1985) полагает, что неоднократные дополнения вносились вплоть до времен Чжэн Сюаня (2 в.), и только тогда словарь в основном приобрел свой окончательный вид. Некоторые специалисты утверждают, что дополнения и исправления делались непосредственно до начала Восточной Цзинь, т.е. до комментария Го Пу (Доу Сюань 2004). Проблема датировки «Эръя» на сегодняшний день еще

не нашла окончательного решения.

Вторая глава «Лексикографическая характеристика древнекитайского словаря “Эръя”» посвящена анализу и описанию его макро- и микроструктуры, а также определению специфики единиц словаря.

Объем словника «Эръя» насчитывает более 4300 ЛЕ; число глосс в 19-ти главах – 2019¹ (Гуань Сихуа 1996). Что касается общего иероглифического объема словаря, данные источников расходятся: 13113 знаков (Хэ Цзюин 1996), 10791 (Гуань Сихуа 1996), 10819 (Доу Сюянь 2004), 10568 (Сунь Гуаньлун 2007), 5) 10900 (Harbsmeier 1998).

К числу знаков, которые должен был освоить учащийся при изучении «Тринадцатикнижия», «Эръя» добавил 928 иероглифов (Колоколов 1977), по другой версии, – 919, а без учета разнописей – около 700 знаков (Гуань Сихуа 1996). Слова, не встречающиеся в остальных книгах канона, могли попасть в «Эръя» как непосредственно из устного языка, профессиональных жаргонов, диалектов так и из других текстов. Т.о., более уместно рассматривать данный памятник как сборник доциньской лексики, не ограничивая сферу его приложения конфуцианской классикой. В то же время, «Эръя» не претендует на звание полного словаря, основным его назначением было толкование устаревших и непонятных слов, что и определило отбор лексического материала. Архаизмы, диалектизмы и трудные слова толкуются с помощью общеупотребительных [нормативных] слов того времени.

В качестве основной единицы описания в «Эръя» выступают однослоги, наряду с этим имеются и количественные единицы (ляньмяньцы, редупликации, сложные слова).

Для оценки состава словника и единиц описания «Эръя» нами были рассмотрены типы соотношений иероглиф–слово в системе словаря, что позволило сделать определенные выводы. В главах с абстрактной лексикой некоторые единицы (как внутри поясняемой части, так и между частями глосс) связаны отношением не «слово–слово», а «знак–знак»: разнописи, древние – новые знаки, исходные – «уточненные» (дифференцированные), основные – заимствованные знаки. Особенно широко представлено использование заимствованных знаков вместо основных. Ситуация осложнена еще и тем, что один и тот же иероглиф мог заимствоваться вместо нескольких омонимичных знаков, записывая при этом совершенно разные лексемы; некоторые случаи допускают неоднозначную интерпретацию. Т.о., можно заключить, что в словнике «Эръя» наблюдается смешение таких единиц как слово (репрезентант понятия) и иероглиф (знак письма), что объясняется спецификой древнекитайского письма, в системе которого функционировали альтернативные знаки для

¹ В некоторых источниках указаны другие цифры: 1) 2091 [Ян Дуаньчжи 1985 ; Доу Сюянь 2004]; 2) 2047 [Лу Гопин 1999].

записи одной и той же лексемы.

Далее следует характеристика макроструктуры словаря: представлена синоптическая схема, освещается содержание глав, анализируется их устройство.

Расположение материала в «Эрья» задано семантическими соображениями и предполагает тематическую группировку лексики, отраженную в названиях глав:

I. Толкования.

II. Речи.

III. Поучения.

IV. Родство.

1. Родственники по клану.
2. Родственники по матери.
3. Родственники жены.
4. Родственники по браку.

V. Жилище.

VI. Утварь.

VII. Музыка.

VIII. Небо.

1. Четыре сезона.
2. Предзнаменования.
3. Бедствия.
4. [Система летоисчисления]:

10-ричный цикл 岁阳².

[12-ричный цикл 岁阴³].

5. Год.
6. Месяц

Лунный цикл 月阳.

[Наименования 12 месяцев].

7. Дожди и ветры.
8. Звезды.
9. Жертвоприношения.
10. Военное дело.

² Альтернативное наименование для небесных стволос 天干.

³ Альтернативное наименование для земных ветвей 地支.

11. Знамена.

IX. Земля.

1. Девять областей.
2. Десять озер.
3. Восемь холмов.
4. Девять управлений.
5. Пять направлений.
6. Дикие места (поля).
7. Четыре стороны света.

X. Холмы.

1. Холмы.
2. Берега.

XI. Горы.

XII. Воды.

1. Водные источники.
2. Суша.
3. Речные излуины.
4. Девять рек.

XIII. Травы.

XIV. Деревья.

XV. Насекомые.

XVI. Рыбы.

XVII. Птицы.

XVIII. Звери.

1. [Звери] живущие в горах и на равнине.
2. Грызуны.
3. Жвачные.
4. Передышка, отдых⁴.

XIX. Домашние животные.

1. Лошади.
2. Быки/коровы.
3. Бараны.
4. Собаки.
5. Куры.

⁴ В отношении 4-х видов живых существ: зверей, человека, рыб, птиц.

6. Шесть домашних животных.

Вся лексика «Эрья» распадается на две категории: обычную (абстрактную, нетерминологическую) и лексику с терминологическим оттенком. Абстрактная лексика помещена в первых трех главах, терминологическая распределена по остальным шестнадцати главам.

Исходя из особенностей устройства, нами было выделено два типа глав (далее в скобках указано количество словарных статей в издании Индекса): **структурированные главы** – «Родство» (4), «Небо» (11), «Земля» (7), «Холмы» (2), «Воды» (4), «Дикие животные» (4), «Домашние животные» (6); **неструктурированные главы** – «Толкования» (33 + 119), «Речи» (277), «Поучения» (116), «Дворцы» (23), «Утварь» (50), «Музыка» (16), «Горы» (21), «Травы» (203), «Деревья» (77), «Насекомые/гады» (54), «Рыбы» (43), «Птицы» (84). В неструктурированных главах отсутствует разбивка на смысловые группы. Словарная статья чаще всего представлена одной глоссой, в некоторых случаях несколькими глоссами, в усеченных вариантах – одной ЛЕ. Такое устройство наблюдается в первых трех главах с обычной лексикой, а также в девяти терминологических главах. В структурированных главах текст разбит на смысловые группы, словарная статья представляет собой образование из нескольких глосс, маркированное на выходе общим понятием.

Анализ устройства неструктурированных глав, произведенный на материале 4-й главы «Дворцы», показал, что, несмотря на отсутствие редакторской разбивки, в тексте выявляется определенная структура, в основе которой лежит семантическая классификация лексики. Данное утверждение справедливо и в отношении других неструктурированных глав. В то же время система организации материала в этих главах имеет недостатки, проявляющиеся в возможности перегруппировки и объединения некоторых понятийных групп и глосс, помещенных в разных частях текста, но при этом в смысловом отношении дублирующих друг друга. Часть глосс могла быть ошибочно сокращена при неоднократной переписке словаря (Гуань Сихуа 1996). Определенная доля погрешностей в расположении материала объясняется за счет позднейших интерполяций, это, прежде всего, касается фрагментов, помещенных в конце глав. Яркое тому подтверждение – текст главы «Горы», распадающийся на три блока: 1) пять горных пиков (河南华, 河西岳, 河东岱, 河北恒, 江南衡); 2) различные наименования гор по их форме; 3) шесть горных пиков (泰山为东岳, 华山为西岳, 霍山为南岳, 恒山为北岳, 嵩高为中岳). По мнению цинских филологов Шао Цзиньхана и Чэнь Юйшу, последняя группа была включена в словарь ханьскими учеными.

Главы с абстрактной лексикой считаются более ранним слоем текста. Первую часть

первой главы «Ши гу» рассматривают как самостоятельное и, возможно, еще более раннее образование (Карапетьянц 1996). Принцип классификации и расположения ЛЕ в этих главах не столь очевиден, как в остальных шестнадцати. Здесь помещена лексика, наименее поддающаяся классификации, однако некая осмысленная последовательность наблюдается уже при первом рассмотрении: речь идет о начальных и конечных глоссах этих глав. «Ши гу» начинается с толкования понятий 始 *начало* и 君 *монарх*, завершается толкованием понятий 终 *конец*, 死 *умирать*. «Ши янь» начинается с понятия 中 *срединный* заканчивается аналогично первой – 终 *конец*. Третья глава «Ши сюнь» заканчивается глоссой 曰 *кончиться, умирать*.

Объем «Ши гу шан»: толкующих единиц – 49, толкуемых – 343, всего – 392; «Ши гу ся»: толкующих – 142, толкуемых – 599, всего – 741. Итого в «Ши гу»: толкующих единиц – 191, толкуемых – 942, всего – 1133. Объем главы «Ши янь»: толкующих единиц – 308, толкуемых – 372, итого – 680.

В указанных главах также обнаруживается внутренняя организация материала, основанная на семантических сопоставлениях и противопоставлениях лексических единиц.

Анализ текста первой части первой главы «Ши гу», осуществленный А.М. Карапетьянцем (1996), показывает, что поясняющие слова глосс этой части образуют структуру строф прописей и подразумевают осмысленное прочтение.

В «Ши янь» и «Ши сюнь» наряду с семантическим критерием отчасти реализован и формальный критерий: графическая и фонетическая близость иероглифов, форма слова и др.

Вопрос о критериях распределения абстрактной лексики по главам «Ши гу», «Ши янь» и «Ши сюнь», имеет долгую историю обсуждения. На наш взгляд, на сегодняшний день наиболее убедительно звучит точка зрения о формальном критерии, высказанная Гуань Сихуа (1996):

1) различие между «Ши гу» и «Ши янь» заключается в количественном наполнении поясняемой части глосс: в «Ши гу» в основном сконцентрированы глоссы, включающие от трех и более поясняемых ЛЕ (самые длинные: 释诂上 №3 大 *большое, великое* – 39 ЛЕ, 释诂下 №28 病 *болезнь* – 27 ЛЕ). В «Ши янь» поясняемые части глосс включают 1–2 ЛЕ, исключением является единственная глосса с 3-мя поясняемыми ЛЕ (释言 №44 *горький; страдать*).

2) В отличие от «Ши гу» и «Ши янь», где стандартной единицей описания является однослог, в «Ши сюнь» стандартной единицей выступает многосложная единица.

Глава «Ши сюнь» имеет гетерогенное устройство: текст неоднороден в отношении языка описания, устройства и наполнения глосс. Текст главы отчетливо распадается на две части: I. В первой части единицей описания выступает редуцированное слово (глоссы 1 – 75). II. Во второй части единицы описания не являются редупликациями (глоссы 76 – 127). Каждая из частей разбивается еще на несколько блоков.

С точки зрения стилистической окраски, среди единиц «Ши сюнь» обнаруживается лексика стилистически нейтральная и эмоционально-оценочная: ЛЕ, выражающие положительную (мелиоративы) и отрицательную (пейоративы) оценку называемых понятий.

Далее, в целях характеристики микроструктуры и выявления особенностей системы толкований «Эрья», затрагивается следующий круг вопросов: 1) научный аппарат китайской филологической традиции; 2) метаязык, принятый в «Эрья»; 3) способы лексикографической интерпретации многозначных единиц в словнике «Эрья».

Л. Згуста (Zgusta 1971) в числе основных лексикографических средств описания лексического значения называет: 1) словарное определение (дефиниция); 2) расположение в системе синонимов; 3) иллюстрацию примерами употребления в контексте; 4) пометы. Существуют два основных способа использования синонимов или близких по значению слов для объяснения значения лексической единицы: а) как дополнение к дефиниции; б) вместо дефиниции. Последний способ менее удобен по причине многозначности слов, однако эффективен при необходимости экономить место.

Словарная статья, как минимальная структурная единица словаря, в своей типичной форме состоит из двух частей: объясняемого (левой части, единицы обработки – заглавного слова, вокабулы – топика) и объясняющего (правой части – толкования, дефиниции – комментария) (Chinese Lexicography 2008).

Главный объект интереса исторической лексикографии составляет информация о семантической структуре языка на определенный момент времени, содержащаяся в толковых и энциклопедических словарях, где основной структурной единицей является словарная дефиниция. Строение традиционных словарных дефиниций позволяет рассматривать слово как совокупность лексико-семантических вариантов, примерно соответствующих отдельным словарным толкованиям (Рахимбердиев 2003).

В китайской филологической традиции методы и способы описания различных единиц были выработаны еще в древности в связи с комментированием текстов. В «Эрья» нашел применение главным образом метод *исюнь* 义训 и в значительно меньшей степени – *шэнсюнь* 声训. Если говорить о конкретных способах толкования, в рамках *исюнь* следует назвать прямое толкование и его варианты, определение понятия, описание, сравнение.

Анализ текста словаря позволил заключить, что язык описания в «Эрья» неоднороден как на уровне всего текста, так и внутри глав. По данным Ван Ли (1979), китайская научная традиция располагала более чем 60 «терминами комментаторского характера» или своего рода «операционными словами», «операторами» (Солнцева, Солнцев 1995), с помощью которых толковались и объяснялись ЛЕ. Кроме операторов, для толкования ЛЕ использовались устойчивые конструкции.

Из инвентаря китайской комментаторской традиции в «Эрья» используется 5 операторов: 1) 为 *есть [является]* (190 глосс); 2) 谓 (为) 之 *значит, имеет значение* (287 глосс); 3) 曰 *называют* (147 глосс); 4) 言 *говорят* (2 глоссы); 5) 之为言 *это выступает в роли ...слова* (1 глосса). Остальные глоссы записаны с помощью устойчивых конструкций: 1) “А , В 也” (658 глосс); 2) нулевая конструкция: “А , В” (193 глоссы), “В , А” (568 глосс); “А” (45 глосс); 3) 者、诸 (26 глосс); 4) 如、如者 *подобен* (8 глосс); 5) 其 В , А (35 глосс); 6) 莫大于 *нет большего чем...*(3 глоссы); 7) 有 *есть, имеется* (28 глосс); 8) × 醜 [同类] *одного рода с ...* (15 глосс). В общей сложности, на нулевую конструкцию приходится 806 глосс; на конструкцию “А , В 也” – 658 глосс, на формулы с операторами “谓 (为) 之”, “为” и “曰”- 624 глоссы.

Распределение формул по главам выглядит следующим образом. Конструкция “А , В 也” встречается преимущественно в первых трех главах (609 из 658 глосс). В «Ши гу» и «Ши янь» с ее помощью записаны 100% глосс. В глоссах, записанных с помощью данной конструкции, поясняемая часть находится в препозиции (на входе). Большая часть глосс с операторами “为”, “谓之”, “曰” приходится на семь терминологических глав, а именно: «Родство», «Дворцы», «Утварь», «Музыка», «Небо», «Земля», «Воды» (519 из 640 глосс). В отличие от “А , В 也”, в данной формуле поясняемая часть находится в постпозиции, т.е. на выходе (“В 谓之 А” и т.д.). Нулевая конструкция характерна для оставшихся девяти терминологических глав: «Холмы», «Горы», «Травы», «Деревья», «Насекомые», «Рыбы», «Птицы», «Дикие животные», «Домашние животные» (783 из 956 глосс). Особенность нулевой конструкции состоит в том, что может иметь вид “А , В”, “В , А”, “А”.

Таким образом, общее количество глосс, в которых поясняемая часть находится на входе, составляет 904, на выходе – 1215 глосс. Особенностью текста «Эрья» является нулевая

конструкция вида “В , А” , в которой поясняющая часть (известное) находится на входе; по оценкам Гуань Сихуа, таких глосс в «Эрья» в 193.

Еще одной особенностью «Эрья» следует назвать наличие глосс вида “А”, в которых поясняющее слово отсутствует. Последовательности таких глосс представляют собой простое перечисление отдельных ЛЕ. Толкованием, очевидно, следует считать либо обобщающее понятие группы, в которую входит глосса, либо при отсутствии последней наименование соответствующей главы. Подобная разновидность встречается в шести терминологических главах: «Воды» (9 глосс), «Насекомые» (6), «Рыбы» (6), «Птицы» (6), «Дикие животные» (10), «Домашние животные» (8) – всего 45 глосс.

В итоге, исходя из особенностей языка описания, нами было выделено три слоя в тексте «Эрья»: 3 + 7 + 9 глав. Первая граница разделяет главы с абстрактной лексикой и терминологические главы. Вторая проходит между 9-й главой «Земля» и 10-й «Холмы». Общую картину нарушает глава «Воды», которая по своим характеристикам, скорее всего, должна быть отнесена ко второму слою, поскольку больше половины ее глосс (38 из 70) записаны с помощью “谓之” (25) и “曰” (13), а нулевой конструкцией – лишь 18 глосс (оставшиеся 14 глосс имеют другой вид). Подобная «трехслойность» текста вряд ли является случайной и может свидетельствовать о том, что окончательный вариант словаря складывался постепенно усилиями разных редакторов.

В ходе анализа текста «Эрья» были выявлены и другие особенности: в главах с терминологической лексикой глоссы делятся на самостоятельные и несамостоятельные. В последних опущен или замещен субститутором тот или иной «известный» элемент. Опускается и замещается то, что легко восстанавливается из контекста: либо родовое понятие, которое содержится в названии главы или понятийной группы, либо слово, содержащееся в соседних глоссах. Такое построение глосс является отражением свойственного вэньяню лаконизма.

Итак, к основным особенностям микроструктуры «Эрья» мы относим: 1) неоднородность языка описания, как на уровне всего текста, так и внутри глав; 2) нефиксированность местоположения поясняющей части глоссы, которая может находиться как на входе, так и на выходе; 3) лаконичность толкований; несамостоятельность (зависимость от контекста), присущая глоссам в главах с терминологической лексикой.

Важной проблемой организации словаря является различение омонимии и полисемии.

Решение проблемы лексикографической интерпретации многозначного слова в «Эрья» также представляет интерес. Полисемия – универсальное лексическое явление: закономерности в организации памяти вынуждают говорящих использовать один и тот же

знак для передачи разных значений.

Анализ показывает, что в словнике «Эръя» наблюдается повторяемость иероглифов, при этом разные значения одного и того же знака, как правило, разнесены по разным глоссам (либо одной главы, либо разных глав) в соответствии с принадлежностью к той или иной лексико-семантической категории. Подобная техника решения, при которой многозначность в значительной степени сводится к «условной омонимии», а многозначное слово распадается на ряд слов-понятий, имеющих одинаковое написание (и звучание), но различные значения, вообще, свойственная идеографическим словарям (Морковкин 1970), является главным «изобретением» составителей «Эръя».

Повторяемость иероглифов в тексте словаря удобно рассматривать на материале первой главы «Ши гу», где это явление представлено особенно широко. Глава включает 191 глоссу, однако число неповторяющихся выходных иероглифов, по данным Чжоу Чунься (2005) составляет 182, из них 8 иероглифов встречаются дважды, 1 иероглиф – трижды. Корпус ЛСВ толкуемых единиц составляет 948, число же иероглифов, с помощью которых они записаны – всего лишь 700 с лишним, из них 103 иероглифических знака встречаются дважды, 41 знак встречается трижды, 7 знаков – четырежды, 1 знак – пять раз.

Как правило, входя в разные глоссы, единица демонстрирует свои разные значения. Например, иероглиф 相 xiāng/xiàng встречается в следующих глоссах «Эръя»:

- 1) «释诂下»: 詔、亮、左、右、相, 导也。(№ 6) *вести, направлять; наставление*
- 2) «释诂下»: 詔、相、导、左、右、助, 勛也。(№ 7) *помогать, воодушевлять*
- 3) «释诂下»: 监、瞻、临、莅、頫、相, 视也。(№ 50) *смотреть, наблюдать, вникать*
- 4) «释诂下»: 艾、历、廌、胥, 相也。(№ 104) (1) *помогать* + (2) *наблюдать*
- 5) «释天»: 七月为相。

Исходя из этого списка глосс, можно заключить, что в системе «Эръя» у иероглифа 相 зафиксированы следующие значения: 1) 导 dǎo = “教导” *наставлять*; 2) 勛 lù = “扶助、赞助” *помогать, поддерживать*; 3) 视 shì = “察看” *наблюдать, рассматривать, проверять* (первоначальное значение, «说文»: “~ , 省视也”); 4) “辅助” *помогать*; 5) “七月别称” *июль/седьмая луна* (терминологическое значение, глава «Ши тянь»).

Слова, записанные одним иероглифом и входящие в разные глоссы, могут быть противопоставлены по следующим типам значений: 1) первоначальное и разные

производные значения, 2) основное и «заимствованное», 3) производное и «заимствованное», 4) два «заимствованных» значения и т.д., например:

«释言»: 訊, 言也。 (№ 239) *спрашивать (? речь; говорить)*

«释诂上»: 訊, 信也。 (№ 20) *доверять; верный*

«释言»: 振, 訊也。 (№ 216) *быстро, стремительно*

Первоначальное значение 訊 xùn – “审问” *спрашивать, допрашивать* («说文»: “~ , 问也). Это значение зафиксировано в глоссе №239 главы «Ши янь». Во всяком случае, так трактуют данную глоссу Ху Цигуан и Фан Хуаньхай, приписывая толкующему иероглифу 言 значение *спрашивать* со ссылкой на «Гуанья» («广雅»: 言, 问也). В двух других глоссах зафиксированы заимствованные значения 訊 xùn: 1) вместо 洵 (*верный; действительно, поистине*) либо, по другой версии, вместо 恂 (*доверять*); 2) вместо 迅 (*быстро, стремительно*).

Анализ значений, приписанных единицам в «Эрья», позволяет воссоздать систему лексико-семантических вариантов внутри одного слова, а анализ взаимоотношений слов друг с другом воссоздает внешние связи слова – синонимические, антонимические, гипонимические и др.

Все способы толкований в системе «Эрья» реализуются в рамках двух основных приемов:

1. В главах с терминологической лексикой единицы толкуются индивидуально (*даньсюнь 单训*).

2. В главах с абстрактной лексикой толкующая часть глоссы, как правило, состоит из нескольких единиц, которые на выходе разъясняются одним общеупотребительным синонимом – совмещенное толкование (*гунсюнь 共训 / хэсюнь 合训*).

При включении в поясняемую часть более двух единиц возможны два варианта: 1) в глоссе актуализировано одно значение, объединяющее все единицы толкования в одну синонимичную группу – стандартный тип глосс; 2) единицы описания не сводимы к одному значению и распадаются на две или более групп, в соответствии с отдельными узуальными значениями поясняющей единицы, при этом каждой группе может соответствовать как одно, так и сразу несколько значений поясняющего иероглифа. Это нестандартные «многозначные» глоссы, называемые в китайской филологии “二义同条”(“多义同条”、“一条两解”、“异训

同条”、“多义共条”) – “два (несколько) значения(-й) в одной глоссе”. Глоссы с подобным устройством встречаются в начальных главах, что объясняется спецификой совмещенного толкования.

Удалось установить, что многозначные глоссы представлены двумя категориями:

1) В фокусе толкования находятся разные значения поясняющей единицы: основное и производное, либо несколько производных значений. Например: 澃、矜、咸, 苦也 (释言, № 44). 苦 kǔ первоначально обозначал *горькое растение*, впоследствии значение расширилось, 苦 стал обозначать *горький, терпкий [вкус]; горестный, тяжелый, мучительный; мучиться, страдать* и т. д. В глоссе № 44 выделяются две группы, соотносимые с разными значениями иероглифа 苦: 1) 咸 xián、鹵 lǔ = “苦、味苦” *горький вкус*; 2) 矜 jīn = “辛苦、苦痛” *мучиться, страдать(-ние)*.

2) Ко второй категории относятся глоссы, в которых поясняющий иероглиф записывает значения разных слов – омографов. Например: 台、朕、賚、畀、卜、阳, 予也 (释诂下, № 3). Изначально 予 использовался для записи глагола со значением *подносить, даровать*; позже был заимствован для записи омофоничного местоимения 1-го лица. Иероглифы данной глоссы распадаются на две группы: 1) 台 yí、朕 zhèn、阳 yáng соотносятся с «заимствованным» значением местоимения 1-го лица *я*; 2) 賚 lài、畀 bì、卜 bǔ соответствуют значению *давать, жаловать, даровать*. Т.о., в данном случае 予 yú, yǔ записывает два не связанных между собой значения разных слов – глагола и местоимения.

Наличие подобных глосс стоит признать одной из характерных особенностей «Эрья», которую с точки зрения рациональности следует отнести к недостаткам системы. Существование многозначных глосс является следствием, с одной стороны, использования совмещенного толкования, а с другой стороны, многозначности иероглифов и привычного заимствования одного знака вместо другого.

В третьей главе излагаются результаты проведенного практического исследования; предлагается оценка роли «Эрья» в китайской филологической традиции и в формировании набора знаков китайского письма.

Значение «Эрья» для китайского языкознания определяется тем, что он положил начало обширной лексикографической традиции. Многие «достижения», введенные в научный

оборот его редакторами, были восприняты лексикографами последующих поколений. Наряду с техникой подачи и описания единиц, последующие словари, начиная с «Фанъяня» и «Шовэня», унаследовали и сохранили значительную часть иероглифического набора «Эрья».

Ценность самих толкований, зафиксированных в словаре, состоит в том, что они позволяют восстановить систему значений иероглифов и получить представление о состоянии лексической системы древнекитайского языка доциньского периода и периода Цинь – Хань.

Как подчеркивалось выше, в Китае словарное дело изначально было связано с формированием и развитием письма, обеспечивая непрерывность письменной традиции.

В ходе истории китайский язык претерпел существенную эволюцию, однако письменный язык *вэньянь*, сформировавшийся в 5 – 2 вв. до н.э., в своих основных чертах оставался неизменным, а китайская иероглифическая письменность, созданная для древнекитайского языка, и в настоящее время остается средством письма на национальном языке (Софронов 2007).

Общее число знаков китайского письма, находящихся в употреблении во всех современных текстах на китайском языке, составляет около 7 тысяч. Судя по иероглифическим наборам древних памятников: «Шуцзин» – 1941, «Ицзин» – 1583, «Шицзин» – 2936, «Чуньцю саньчжуань» – 3912, «Лицзи» – 2369, «Луньюй» – 1382, «Мэнцзы» – 1935, общее число иероглифов, которые находились в употреблении в доциньское время, также составляет 6–7 тыс. знаков. Т.о., число иероглифов употреблявшихся 2 тыс. назад лет сопоставимо с современным оптимальным набором; более того, по утверждению Гао Мина (1996), свыше 70 % знаков обоих наборов совпадают.

Сравнительный анализ материала словарей «Эрья» и «Сяньдай ханьюй цыдянь» (1998) позволил определить роль «Эрья» как первого стабильного списка иероглифов в формировании набора знаков китайского письма. Результаты исследования показывают, что 63,9% единиц главы «Ши гу» и 73,5% единиц главы «Ши янь» сохранились и входят в состав нормативного толкового словаря «Сяньдай ханьюй цыдянь». При этом процент сохранности поясняющих единиц существенно выше, чем поясняемых, в связи с их принадлежностью к наиболее устойчивой части лексики китайского языка, сохранение которой на протяжении более двух тысячелетий обеспечивалось, в том числе и непрерывно функционирующей лексикографической традицией. У истоков этой традиции стоит первый в истории китайской лексикографии тезаурус «Эрья».

В заключении подводятся итоги и оцениваются результаты проведенного исследования.

Следует согласиться со следующим утверждением В.С. Колоколова: «Эрья» сыграл

немалую роль в том, что китайское иероглифическое письмо сохранилось в течение тысячелетий и распространилось за пределы своей родины. «Эръя» – это не просто словарь, а скорее «курс иероглифики, указывающий возможности дальнейшего развития этой письменности» (Колоколов 1977: 120).

Как продукт своей эпохи «Эръя» можно сравнить с ключом к пониманию древнекитайской письменности и памятников, написанных на доциньском языке.

«Эръя» продолжает и завершает традицию списков знаков последних веков до нашей эры.

Даже принимая во внимание некоторые погрешности системы «Эръя» (отсутствие внутренней рубрикации в девяти терминологических главах; недостаточно строго выдержанную систематизацию при расположении материала внутри глав; наличие многозначных глосс; смешение в системе толкований таких единиц как слово и иероглиф и др.), данный тезаурус следует признать выдающимся явлением в китайской лексикографии. Словарь имеет относительно организованную на всех уровнях структуру, которую, по меркам современной науки, нельзя назвать совершенной. Однако идеологическая система, вобравшая в себя более двух тысяч понятий, несомненно, является достижением для китайской филологической науки последних веков до нашей эры.

Своим появлением «Эръя» ознаменовал становление китайской филологической традиции. Его высокий авторитет, непрерывная лексикографическая традиция, обеспечивающая преемственность между словарями разных эпох, а также относительная устойчивость письменного литературного языка *вэньяня*, позволили на протяжении многих веков удерживать стабильность иероглифического набора.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

- 1. Проблемы авторства и датировки древнейшего китайского словаря «Эръя» // Вестник МГУ. Серия 13. Востоковедение. – М., 2009. – № 1. – С. 86 – 97.**
- 2. К вопросу об истории происхождения древнейшего китайского словаря «Эръя» // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Аспирантские тетради. – СПб., 2008. – № 38 (82), ч. 1: (Общественные и гуманитарные науки). – С.154 – 156.**

3. К вопросу об истоках китайской лексикографической традиции // Языковое образование в аспекте взаимодействия культур: Материалы II международной научно-практической конференции. – Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2007. – С. 20 – 27.
4. Словарь «Эръя» и традиционная китайская филология 训诂学 // Изучение и преподавание иностранных языков в аспекте взаимодействия культур: Материалы международной научной конференции 4-5 апреля 2004 года. – Уссурийск: Изд-во УГПИ, 2004. – С. 14 – 19.
5. Некоторые особенности становления китайской письменности // Язык и речь: Методические, лингвистические и страноведческие аспекты: Межвузовский сборник научных трудов. – Уссурийск, 1998. – С. 133 – 140.